

Шорох одежды о ветви и колючие кусты внезапно прекратился. Цин Чжу поняла, что бежать бесполезно, и потому замерла на месте, глядя вперёд. Брови её сдвинулись, тело напряглось в оборонительной позе, когда она увидела, как с дерева прыгнула Цзян Чжунсюэ.

Она была Соколиным Глазом, но не настоящей птицей, чтобы улететь. Кроме этих глаз, в ней не было ничего особенного.

По законам их круга, её, выпущенную хозяином, можно было использовать как Соколиный Глаз, но во всём остальном она подчинялась только его воле. С ней можно было вести дела, а можно было и проигнорировать — она никому не причиняла вреда, и другие тоже не смели нарушать правило, чтобы навредить ей.

У каждого свои нужды, каждый что-то ищет — таков был закон Соколиного Глаза. Кто посмеет нарушить это негласное правило, тот больше никогда не получит помощи ни от одного из них.

Поэтому Цин Чжу стояла прямо, открыто и настороженно глядя на Цзян Чжунсюэ.

Луна поднялась в небо, её серебристый свет, подобный лёгкому туману, разлился по лесу. Цзян Чжунсюэ смотрела на неё с холодным лицом — ни гнева, ни облегчения, лишь равнодушный вопрос:

— Что ты видела?

Цин Чжу подумала: если бы Цзян Чжунсюэ спросила, что она здесь делает, она бы, конечно, стала отнекиваться, мол, просто гуляла и ничего не видала. Но раз та задала вопрос так уверенно, значит, знает, что за ней следили.

В душе Цин Чжу зашевелилось сомнение. Она боялась, что мрачная Цзян Чжунсюэ может причинить ей вред, но затем сообразила: она — Соколиный Глаз. Даже если та и знает о слежке, вряд ли осмелится убить её, чтобы замять дело.

Успокоив себя этой мыслью, она смело взглянула на Цзян Чжунсюэ и заявила:

— Ничего не видела. И не слышала.

Цзян Чжунсюэ пристально смотрела на неё, будто что-то вспоминая. Брови её сдвинулись, и она неожиданно шагнула вперёд.

Сердце Цин Чжу заколотилось, словно тяжёлые удары барабана в груди.

Под лунным светом холодная Цзян Чжунсюэ шаг за шагом приближалась к ней. Каждый шаг словно давил на самое сердце, отчего в груди становилось тяжело и дышать было трудно.

Слегка наморщенные брови Цзян Чжунсюэ разгладились. Она подошла почти вплотную, остановилась и, глядя на чуть более низкую Цин Чжу, тихо и мягко спросила:

— У тебя есть мать... она тоже была Соколиным Глазом?

Цин Чжу подняла на неё глаза, в душе её шевельнулось смутное беспокойство.

Цзян Чжунсюэ стояла спиной к луне, лицо её было спокойным, даже умиротворённым.

Её мать?

Мать Цин Чжу, как и она сама, когда-то была Соколиным Глазом, выращенным семьёй Чэнь. Во время задания в прошлом веке она увидела то, чего видеть не должна была, и сама себя ослепила.

Тогда её матери было чуть за двадцать, возраст ума и смекалки. Семья Чэнь вложила в неё столько сил, а она вдруг ослепила себя и в один миг потеряла всякую ценность. Её бросили, больше не пуская в дом.

Но мать успела скопить немало денег. Потом она вышла замуж и зажила в достатке. Затем родила Цин Чжу. Семья Чэнь, прослышав об этом, забрала девочку себе, сделав её приемницей матери.

Цин Чжу была вполне довольна своей жизнью. Как Соколиный Глаз семьи Чэнь, она вкушала роскошь и богатство, недоступные большинству.

Цин Чжу до сих пор не понимала: тогда у матери было самое светлое будущее, жизнь Соколиного Глаза — это шик и благородство, а её покровители из семьи Чэнь не скупилась на неё. Пока она была с ними, ей было доступно всё. Но мать не только сама ослепила себя и ушла — она ещё хотела, чтобы и Цин Чжу сделала то же самое, вырвавшись из-под власти Чэней.

Но мать всё же не смогла одолеть семью. Цин Чжу разорвала с ней родственные узы, вошла в дом Чэнь и получила фамилию от его главы.

Фамилия Чэнь означала высшую славу и немыслимое богатство. Её прозвище было Цин Чжу — «Цин Чжу», чьих прегрешений «не хватит и тысячи бамбуковых дощечек».

Но её мать уже почти тридцать лет как отошла от дел Соколиного Глаза. Откуда Цзян Чжунсюэ могла знать её?

Цзян Чжунсюэ стояла перед ней. Луна к тому времени скрылась за тучами, и в темноте голос её стал холодным, как ледяной ветер, несущий острые осколки:

— Ослепи себя, и я пощажу тебя.

1987 год, горы Куньлунь.

Шёл густой снег.

Цзян Чжунсюэ неподвижно стояла перед девушкой, навеки уснувшей на земле.

Впереди, в расщелине ущелья, груды лежали останки, белели кости. Кружащиеся снежинки мелькали перед её глазами, а из непроглядной бездны внизу доносился леденящий вой, словно плач неупокоенных душ.

Она не знала, сколько простояла так.

Рядом стоял человек.

Женщина под чёрным зонтом, со смуглой кожей и диковатыми чертами лица. Глаза её были остры, как у орла. Одетая в ватник, она смотрела на Цзян Чжунсюэ в тонкой рубашке и всё так же молчала.

Снежинки кружились вокруг неё, порывы холодного ветра трепали одежду, но она, казалось, совсем не чувствовала холода.

Неизвестно, сколько прошло времени — может, несколько часов, может, день, а может, и вечность.

А может, всего лишь миг.

Цзян Чжунсюэ опустилась на колени и подняла девушку, превратившуюся в ледяную статую. Та лежала у неё на руках, словно просто спала. Длинные ресницы отбрасывали на лицо лёгкую тень, а слеза, застывшая в уголке глаза, стала прозрачной, как жемчужина.

Веки её ещё сохранили лёгкий розовый оттенок — наверное, она плакала перед смертью. Выражение лица ледяной девушки было печальным, пальцы слегка согнуты, будто она хотела что-то ухватить.

Она хотела ухватить её руку.

Цзян Чжунсюэ протянула руку и бережно, нежно обхватила эти согнутые пальцы.

— Чаншэн, — тихо прошептала она. — Как я хочу быть с тобой, превратиться в снежинки и лететь с тобой по небу.

Но я не могу.

Смерть — это избавление, которое никогда не наступит. Бессмертие — спасение, которого никогда не будет.

Цзян Чжунсюэ прижалась щекой к её щеке. Вот такая температура у мёртвого сердца.

Только когда та умирала снова, её собственное сердце начинало биться. Каждый миг приносил ясную, невыносимую боль.

Цзян Чжунсюэ подняла её и шаг за шагом направилась к бездонной пропасти.

Внизу бушевал ураганный ветер, тысячи футов в высоту, словно вопли Лютых призраков, не обрётших спасения в аду.

Сзади, под чёрным зонтом, женщина молча наблюдала за ними.

Цзян Чжунсюэ нежно прижалась лицом к её лицу. Спящая девушка выглядела так, будто просто уснула, на лице её застыла лёгкая грусть.

— Я буду с тобой, Чаншэн. Мы никогда не расстанемся.

Женщина сзади молча смотрела на них. Цзян Чжунсюэ медленно подошла к краю пропасти, держа на руках мёртвую девушку, обернулась и тихо сказала:

— Увидимся через тридцать лет.

—————

Судьба играет людьми.

Цин Чжу смотрела на неё и, услышав такие слова, невольно сдавленно выдавила:

— Ослепить себя? Хм, ты же из наших кругов. Разве не знаешь правил Соколиного Глаза?

Цзян Чжунсюэ смотрела на неё спокойно:

— Как хочешь. Если не хочешь ослеплять себя, значит, заплатишь другую цену.

Сердце Цин Чжу ёкнуло. Эта женщина явно не играла по обычным правилам. Что, если она и вправду нападёт?

Что, если она нарушит законы Соколиного Глаза?

Цин Чжу разозлилась, но Цзян Чжунсюэ лишь смотрела на неё, не проявляя ни малейшего намерения атаковать. Она стояла перед Цин Чжу, словно с жалостью, и равнодушно произнесла:

— Жизнь или глаза. Выбирай.

Теперь Цин Чжу окончательно перепугалась.

Она застыла на месте, ошеломлённая, ноги её чуть не подкосились. Она всё-таки жила в современном мире и, хоть и занималась древним ремеслом, была обычной молодой женщиной, не выдавшей настоящей опасности. Услышав угрозу смерти, она совершенно растерялась.

Положение Соколиного Глаза всегда считалось безопасным. В их кругу редко случалось, чтобы кто-то заплатил жизнью за информацию. Кто бы мог подумать, что найдётся тот, кто посмеет нарушить правило и тронуть Соколиного Глаза?

Вокруг не было ни души. Цин Чжу наконец поняла, что значит «кричи — не кричи, никто не спасёт». Луна выглянула из-за туч, озарив землю своим светом.

Напротив стояла Цзян Чжунсюэ с мрачным лицом.

<http://bllate.org/book/16269/1464129>